

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 5-го Мая 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11392.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Мы слушали лекцию одного поэта.

Какъ и большинство поэтовъ онъ былъ достаточно тупъ, узокъ и выглядѣлъ нечистоплотнымъ. Онъ носилъ короткіе волосы и острую маленькую бородку. Это роднило его лицо съ одной стороны съ Д'Анунцио, съ другой — съ вытянутыми физиономіями гимназическихъ учителей французского языка.

Правда, какая то брюнетка за нашей спиной нашла эту бородку весьма рафинированной, но у насъ это вызвало только улыбку, и докторъ Гуринъ снисходительно замѣтилъ:

— Мнѣнія многихъ дѣвушекъ являются мертворожденными. Бородки мушкетеровъ Дюма имѣли совсѣмъ другой видъ, а бритый подбородокъ Бодлера, конечно, былъ болѣе рафинированнымъ, чѣмъ весь этотъ поэтъ, со всѣми своими родственниками.

Поэтъ говорилъ очень вяло, спутанно, но постоянно употреблялъ слова: „тайна жизни“, „тайна смерти“, и потому аудиторія сочла его весьма умнымъ. Особенно растрогали слушательницъ диѳирамбы первой любви и анализъ вѣно-женственаго.

По окончаніи лекціи мы такъ утомились, что рѣшили разсѣять скучу въ ресторанѣ. Насъ было трое: я, молодой адвокатъ Калитинъ и докторъ Гуринъ — пожилой холостякъ, изящный скептикъ, душа компаний.

Заказавъ ужинъ, мы невольно заговорили на тему о лекціи.

Калитинъ говорилъ, что первая любовь походитъ на прекрасную книгу, которую читаешь впервые.

— Я слишкомъ романтикъ, сказалъ докторъ, чтобы согласиться съ вами. Прочтите эту же книгу во второй разъ и вы признаете ее и болѣе уважительной, и болѣе красивой.

— Вы романтицы! Вы скорѣе циники! Мы дружно разсмѣялись.

Докторъ оставался серьезнымъ, но глаза его, какъ всегда, свѣтились ироніей:

— Да, господа, я старый романтикъ. Немного циникъ, но развѣ въ этомъ есть противорѣчіе? Цинизмъ —

Рихардъ Вагнеръ

(Къ 100-лѣтію со дня рожденія — 9 мая).

это моя молитва, это моя боль. Впрочемъ, мы увлеклись въ сторону. Если поэтъ съ рафинированной бородкой не окончательно убилъ у васъ вкусъ къ первой любви, то позвольте мнѣ разсказать вамъ простую и не вымыщенную исторію. Въ ней нѣтъ обычной лжи, прикрасъ. Герой — я самъ, и долженъ признаться, что эта исторія разъ навсегда убила во мнѣ вѣру въ первую любовь.

— Пожалуйста, докторъ.

... Это было, конечно, въ маѣ, началъ Гуринъ. Я учился отлично, имея перевели безъ экзаменовъ въ четвертый классъ. Свобода, — былъ бакалуши. Все этому способствовало. Нашъ домъ, какъ и большинство провинциальныхъ домовъ, походилъ скопье на усадьбу. Громадный дворъ со всевозможными сараями и закоулками, небольшой, но густой садъ, гдѣ я каждое лѣто устраивалъ искусствен-

ный прудъ съ лягушками. Ихъ я ловилъ за городомъ, въ болотѣ.

Какъ то разъ послѣ обѣда, когда нашъ садикъ въ лучахъ заходящаго солнца казался совсѣмъ золотымъ, я взялъ книжку, помнится „Обыкновенная исторія“ Гончарова, и отправился къ своему прудику.

— Вошелъ. Подъ вишнями, которая только что отцвѣли, стояла и что то разсматривала Соня, — вторая горничная.

Желтая юбка, синяя кофта-распашенка, сильно открытая высокая бѣлая шея.

Соня жила у насъ уже цѣлую недѣлю, но странно, только сейчасъ я ее замѣтилъ.

Какая красавица! Бѣлое лицо, маленькая красная губки и темные, удивительно гордые глаза. Еще вчера я кричалъ на нее за то, что она, прибирая, все перепугала на моемъ столѣ, а теперь она показалась мнѣ совершенно необыкновенной, страшной. Я чувствовалъ сѣя такъ, будто меня вызвалъ учитель, а урока я не приготовилъ.

Чувствуя, какъ бѣется мое сердце, я подошелъ къ дѣвушкѣ и робко заговорилъ. Я спрашивалъ, нравится ли ей нашъ садъ, видѣла ли она его. Сказѣль, сколько у насъ бываетъ вишень, потомъ сказалъ, что пришелъ читать

Гончарова, что это русскій писатель, который еще написалъ „Обрывъ“. Затѣмъ повелъ Соню по аллеямъ и называлъ ей деревья. Около моего пруда съ лягушками я совсѣмъ растерялся.

— Хотите, поймаю лягушку? спросилъ серьезно, чтобы не молчать.

— Не надо, будутъ бородавки.

— Это я самъ принесъ лягушекъ.

— Вамъ дѣлать нечего.

— И прудъ самъ сдѣлалъ.

— Одна грязь.

Я замолкъ. Соня показалась мнѣ еще болѣе страшной, совсѣмъ взрослой и важной.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ я, чтобы немного успокоиться.

— Шестнадцать, отвѣтила она улыбаясь, но мнѣ казалось, что она смѣетъ сѧ надо мнѣ.

— Еще маленькая.

— Нѣтъ, это вы маленький.

— Ничего подобного,—мне трижды съ половиной.

— Ну, вотъ, я старше.

Она повернулась и ушла. Такая жестокость! Ничего не сказала, даже не взглянула.

Читать я не могъ. Отправился въ сарай, гдѣ у насъ висѣли трапеции и качели. Качался, какъ сумасшедший. Пѣль, ораль и сердился.

Вечеромъ долго думалъ, уже въ постели:

«Вотъ странно! Зиночка Федотова, гимназистка и дочь генерала, а когда съ ней встрѣчаюсь,—играемъ въ мячъ, и никакъ ея не брось, —обыкновенная. А это горничная. Утромъ ходить босая, но кажется мнѣ принцессой. Мнѣ ея страшно.

Съ этого дня я не отступно ходилъ за Соней. Утромъ я просыпалъ съ прибирать комнаты. Самъ стоялъ постели, вытиралъ пыль и даже приносилъ со двора воды для мытья пола.

Дѣвушка сначала смеялась, толкала меня въ бокъ, когда я дѣлалъ что-нибудь невпопадъ, или, пользуясь отсутствиемъ родителей, мы гоняли по комнатамъ другъ за другомъ, роняли стулья, хохотали, а когда я, наконецъ, ловилъ Соню, она казалась такою тоненкой и гибкой въ своемъ легкомъ ситцевомъ платьѣ. Менѣ охватывало непонятное волненіе, а дѣвушка, раскрасневшись, была такой красивой. Разъ мы такъ увлеклись, что, буквально скатились съ лѣстницы и выбѣжали въ садъ. Веселый смѣхъ Сони всегда дѣлалъ меня смѣльмъ. Я догналъ ее, схватилъ за талию и поцѣловалъ въ шею. Она такъ сладко пахла яичнымъ мыломъ.

— Что ты дѣлаешь! звонко крикнула она, упираясь руками въ мои плечи.

Это „ты“ было первымъ и обрадовало меня, какъ подарокъ.

Хочу тебя поцѣлововать!

Она сама наклонилась, и мы цѣловались, не переставая хохотать.

Весь день я былъ важнымъ и гордымъ. Покрикивалъ на младшихъ братей и прямо въ глаза называлъ нашу старую нянью ханжей.

Извѣстный украинский писатель

М. М. Коцюбинскій.

† 13 апреля.

Сенаторъ В. И. Марковъ,
новый министръ статс-секр. Финляндіи.

Но особенно хороши были вечера. Я звалъ Соню въ сарай. Для начала показывалъ ей всѣ свои номера на трапеции, а потомъ качаль дѣзушку на качеляхъ. Она сидѣла, распѣвали пѣсни или грызла конфеты, которые я ей покупалъ.

Въ полумракѣ сарайя, куда едва проникалъ свѣтъ дверового фонаря, милое лицо Сонечки, затмненное, словно окруженнное чернымъ шаромъ, казалось мнѣ особенно мильмъ, удивительно привлекательнымъ. И такъ звонко напѣвала она! Казалось, качнѣ качели на куски разрызгѣ пѣснѣ, и она осыпается въ темноту серебрянымъ бисеромъ.

И вдругъ я переставалъ раскачиваться, опускался на доску, тихо и боязно обнималъ Соню, цѣловалъ шею, губы, и въ мѣрномъ качании долгой доски, казалось, что уносить меня въ таинственную даль чародѣй-корабль.

Но иногда эти минуты нарушались приходомъ нашего дворника Максима. Походилъ онъ на цыгана,—зубоскаль. Весь черный, худой, всегда смиѳющійся и съ „цигаркой“ въ зубахъ. Противъ онъ мнѣ былъ.

Всѣдя въ сарай, Максимъ садился на бочонокъ, въ углу, и хотя ничего не говорилъ, мнѣ все казалось, что онъ тихо смеется или просто скалитъ свои бѣлые зубы.

И Соня мнѣялась. Покрикивала на меня, раскачивала ногами, что придавало доскѣ волнистое направление, или ложилась, свѣсивъ юбку, и ухватившись руками за веревки, у моихъ ногъ.

Но скоро дѣвушка измѣнилась. Утромъ я по прежнему дѣлалъ все за нее, но теперь она стала грубой, рѣзкой, насмѣшиловой, говорила иногда смѣясь:

— Хорошій, панычъ! Я изъ тебѣ верезочку съю.

Садилась на стулъ, или взбиралась съ ногами на диванъ, хохотала, точно нарочно дразнила меня, а я все дѣлалъ за нее,—распоряжалась, осмѣивала.

Но скоро и этого удовольствия я была лишенъ. Соня просто выгнала меня изъ комнаты и дажеожаловала нянѣкѣ, которая пригрозила разказать все отцу.

Все валилось изъ моихъ рукъ, забылъ я прудъ, забылъ лягушекъ, началъ дѣлать корабликъ,—забросилъ. И книги забросилъ.

Соня, Соня, что съ ней стало! Какъ она перемѣнилась, а была такая хорошая. Теперь почти не видѣлъ ее и за цѣлую недѣлю только разъ поцѣловалъ ее—сидѣла, дремала на лѣстницѣ, около кухни.

Но вотъ этотъ ужасный вечеръ! Луна. Послѣ ужина, печальный, печальный отправился въ сарай,—качели теперь только радовали меня.

Темно. Разслышалъ голоса. Присмотрѣлся, крадучись впередъ на цыпочкахъ: Соня и Максимъ, сидя на качеляхъ, обнимались и цѣловались.

Я ушелъ такъ же тихо. Мое лицо горѣло. Было чего то стыдно и такъ больно. Я никогда ничего подобного не чувствовалъ. Легъ спать. Молился и плакалъ.

— Господи, Господи, что со мной?! На другой день я упросилъ маму отпустить меня къ дѣдушкѣ на дачу. Когда я вернулся, Соня уже разсчитали за какую то провинность. Думаю, что въ этомъ дѣлѣ сыграла свою роль старая няня.

Докторъ умолкъ, выпилъ пива и задумался.

— Но ваша история романтична, сказать Калининъ.

— Можеть быть, улыбнулся докторъ, но съ тѣхъ поръ я уже не вѣрю въ первую любовь. Странно, но это оставило слѣдъ на всю мою жизнь. И какъ я сграждалъ!

Ал. Станкевичъ.

Учитель пловецъ

Л. А. Романченко.

Мировой рекордъ—45 вер. въ 24 ч. 10 м. Вызовъ пловцовъ всего міра: плыть вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ (700 верстъ—1½ мѣсяца).

Руководители военной партии въ Австріи.

Эрцгерцогъ Фридрихъ,
генераль-инспекторъ (фактический глава)
австрійской арміи.

Фельдмаршаль фонъ-Кробатинъ,
австрійский военный министръ.

Романсъ.

Нѣтъ, о тебѣ не стану думать я!
Ты для меня еще совсѣмъ больная

рана,

Я мысли о тебѣ всѣ отгоняю прочь!
Хочу спокойствія, молчанья, забытья,
Чтобъ эта майская божественная ночь
Была моей спасительной охраной.

**

Я буду думать о зеленой той звѣздѣ,
О шелестящемъ гдѣ то камышѣ,
О ибисахъ далекаго Китая,
О той любви, которая дрожитъ сейчасъ
вѣздѣ,
Въ водѣ и на землѣ, на звѣздахъ
разлитая
И въ міровой сплѣтенной душѣ...

**

Когда же мысль, подобная стравѣ,
Мысль о тебѣ мой мозгъ пошевелитъ,
Тогда ее я обращу въ граниѣ.
Тоску мою возьму въ желѣзную оправу,
Печаль мою умчу въ загадочныя
страны,
Но не къ тебѣ: ты—боль моя, ты—
рана...

Н. Станкевичъ.

Король-женихъ.

Экс-король португальскій Мануэль, его невѣста, принцесса Августа-Викторія фонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, и ея отецъ, князь Гогенцоллернъ, въ потсдамскомъ паркѣ.

Смѣсь.

Списокъ американскихъ миллиардеровъ.

Миллионеры начинаютъ ворчать. Противъ нихъ идутъ походомъ правительства всѣхъ странъ.

Въ Англіи ихъ злѣйшимъ врагомъ является Ллойдъ Джорджъ, въ Германіи — его коллега министръ финансовъ, а теперь еще въ Америкѣ противъ нихъ ополчается новый президентъ Вудро Вильсонъ, который предполагаетъabolish вѣкъ миллиардеровъ прогрессивными подоходными налогами.

Такъ какъ законопроектъ, повидимому, пройдетъ, то газеты уже печатаютъ списокъ „несчастныхъ жертвъ“ Вильсона.

Изъ этого списка „Б. В.“ заимствуетъ нѣсколько имёнъ обладателей крупнейшихъ въ міре состояній. Во главѣ американскихъ миллиардеровъ стоитъ по-прежнему Рокфеллеръ—„керосиновый король“. Его состояніе, по официальнымъ даннымъ, достигаетъ 2600 миллионовъ. Знаменитый благотворитель, помѣшившійся на учрежденіи бесплатныхъ библиотекъ, Карнеджи, обладаетъ 2,000 миллионовъ. По 800 миллионовъ имѣютъ: Генри Фрікъ — бирже兹 спекулянтъ, Джемсъ Штильманъ — компаньонъ покойнаго Моргана, и семейство Гирстъ, честолюбивыя члены котораго основали такъ называемую „Желтую прессу“. Затѣмъ идутъ потомки железнодорожныхъ пионеровъ, обладающіе состояніемъ въ триста-четыреста миллионовъ.

— Ну, вотъ, я старше.

Она повернулась и ушла. Такая жестокость! Ничего не сказала, даже не взглянула.

Читать я не могъ. Отправился въ сарай, гдѣ у насъ висѣли трапеции и качели. Качался, какъ сумасшедший. Пѣль, ораль и сердился.

Вечеромъ долго думалъ, уже въ постели:

„Вотъ странно! Зиночка Федотова, гимназистка и дочь генерала, а когда съ ней встрѣчаюсь,—играемъ въ мячъ, и никакъ ея не брось, —обыкновенная. А это горничная. Утромъ ходить босая, но кажется мнѣ принцессой. Мнѣ ея страшно.

Съ этого дня я не отступно ходилъ за Соней. Утромъ я просыпалъ съ прибирать комнаты. Самъ стоялъ постели, вытиралъ пыль и даже приносилъ со двора воды для мытья пола.

Дѣвушка сначала смеялась, толкала меня въ бокъ, когда я дѣлалъ что-нибудь невпопадъ, или, пользуясь отсутствиемъ родителей, мы гоняли по комнатамъ другъ за другомъ, роняли стулья, хохотали, а когда я, наконецъ, ловилъ Соню, она казалась такою тоненкой и гибкой въ своемъ легкомъ ситцевомъ платьѣ. Менѣ охватывало непонятное волненіе, а дѣвушка, раскрасневшись, была такой красивой. Разъ мы такъ увлеклись, что, буквально скатились съ лѣстницы и выбѣжали въ садъ. Веселый смѣхъ Сони всегда дѣлалъ меня смѣльмъ. Я догналъ ее, схватилъ за талию и поцѣловалъ въ шею. Она такъ сладко пахла яичнымъ мыломъ.

— Что ты дѣлаешь! звонко крикнула она, упираясь руками въ мои плечи.

Это „ты“ было первымъ и обрадовало меня, какъ подарокъ.

Хочу тебя поцѣлововать!

Она сама наклонилась, и мы цѣловались, не переставая хохотать.

Весь день я былъ важнымъ и гордымъ. Покрикивалъ на младшихъ братей и прямо въ глаза называлъ нашу старую нянью ханжей.

Извѣстный украинский писатель

М. М. Коцюбинскій.

† 13 апреля.

Если сравнить эти капиталы съ тѣми, которыми обладаютъ германскіе капиталисты (состояніе ихъ тоже на этихъ дняхъ приводилось въ извѣстность), то придется сказать, что нѣмцамъ еще далеко до американцевъ.

Въ Германии самыи большими состояніемъ обладаетъ дочь пресловутаго Круппа, гжа фонъ Боленъ, но у нея „всего“ 283 миллиона. Другимъ богатымъ человѣкомъ считается князь Гонкель фонъ-Доннерсмаркъ, имѣющій 254 миллиона.

Если подоходный прогрессивный налогъ пройдетъ въ Америкѣ, то „бѣдному“ Рокфеллеру придется платить ежегодно около пяти миллионовъ.

Фривольность американокъ

Часто приходится слышать и читать о пуританскихъ нравахъ американцевъ и американокъ. Но, повидимому, въ Новомъ Свѣтѣ понятія о нравственности и приличіяхъ нѣсколько расходятся съ тѣми, которымъ получили права гражданства въ Европѣ.

Съ одной стороны, общество въ Америкѣ приходитъ въ ужасъ, если какая-нибудь дама позволитъ себѣ закурить папиросу въ ресторанѣ, съ другой же—дочери богатыхъ нью-йоркскихъ гражданъ, молодые барышни, прогуливаясь съ молодыми людьми по городу, на пари влѣзаютъ въ фонтаны и, подобравъ выше колѣнъ юбки, переходятъ по бассейну. И это никого не шокируетъ, а считается просто милымъ чудачествомъ.

На этихъ дняхъ въ Чикаго состоялся грандиозный женскій митингъ, на которомъ обсуждался, между прочимъ, новый законопроектъ о разводѣ.

Во время преній обнаружилось, что большинство женщинъ желали бы облегчить возможность развода и въ то же время затруднить вступленіе въ бракъ.

Насколько просто происходятъ браки въ настоящее время, отлично иллюстрируетъ, по словамъ „Б. В.“, слѣдующій

Летчикъ В. М. Абрамовичъ,
погибшій во время полетовъ въ Берлинѣ.

примѣръ, который привела на митингъ одна изъ ораторшъ:

Какъ разъ теперь начать бракоразводный процессъ, на которомъ суды съ изумленіемъ узнали о бракахъ, заключаемыхъ „въ шутку“.

Мѣсяца два тому назадъ компания изъ двухъ молодыхъ девушки, принадлежащихъ къ состоятельному классу общества, и двухъ молодыхъ людей—американскихъ саврасовъ чистѣйшей мар-

ки—отправилась на прогулку въ автомобильѣ. По дорогѣ кому то пришла въ голову мысль повѣнчаться „ради шутки“. „Оригинальная“ идея понравилась всѣмъ, и, недолго думая, шофферу приказано было повернуть обратно иѣхать въ городскую ратушу, где съ замѣчательной быстротой были раздобыты всѣ нужные бумаги. Затѣмъ начались поиски пастора. Заѣзжали къ четверымъ, но ни одного не застали дома. Наконецъ, кто-то вспомнилъ, что у него въ Эванстонѣ имѣется знакомый пасторъ, и автомобиль быстро покатилъ туда.

Знакомый пасторъ оказался дома. При видѣ богатыхъ прихожанъ онъ только кротко улыбнулся и промолвилъ:

— Какая милая свадебная компанія!

Всѣ четверо во главѣ съ священникомъ отправились въ церковь, где сперва произошелъ небольшой споръ, какой парочекъ вѣнчаться первой. Наконецъ, на узетки очередь была разыграна. Когда пасторъ обратился къ „шуточной невѣстѣ“, желаетъ ли она взять стоящаго возлѣ нея кавалера себѣ въ мужья, веселенькая барышня съ улыбкою отвѣтила:

— I will... (хочу), а потихоньку привѣтила: ...not (отрицаніе „не“).

Затѣмъ передъ алтаремъ преклонили колѣни вѣтряя пара.

Послѣ совершенія вѣнчанаго обряда всѣ снова на автомобильѣ возвратились въ городъ и какъ ни въ чёмъ не было разошлись по домамъ.

Теперь одна изъ девушки, повѣнчавшаяся „въ шутку“, не „на шутку“ влюбилась и хочетъ выйти замужъ уже „настоящему“, но сперва должна добиться развода своего „шутъчнаго“, фиктивнаго брака.

Къ гастроли Императорскаго балета—11 мая.

Извѣстный счетчикъ

Г. Аппаго.

(Къ гастролямъ въ театрѣ Вольчини).